

Валерий Тимофеев

СЫН ВЕДЬМЫ

Валерий Тимофеев

Сын ведьмы. Волшебная сказка

«Издательские решения»

Тимофеев В.

Сын ведьмы. Волшебная сказка / В. Тимофеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833352-1

Сказка эта родилась, можно сказать, случайно. Поступило предложение написать мюзикл по мотивам сказки «Шурале» для детского театра. Я начал работу. Естественно, начал с изучения фольклора, татарских народных сказок. Так как тема сказок мне близка, неудивительно, что я увлекся. И в изученном материале увидел огромный потенциал, далеко выходящий за рамки шестидесятиминутного мюзикла..Об остальном судить тебе, мой дорогой читатель!

ISBN 978-5-44-833352-1

© Тимофеев В.
© Издательские решения

Содержание

Присказка	6
Глава 1 Русалка и черти	7
Глава 2 Вечер любви	11
Глава 3 Карчик	15
Глава 4 Заблудившаяся	18
Глава 5 Следы	21
Глава 6 Рыбья шкура	24
Глава 7 Колдовство Карчик	27
Глава 8 Воскрешение Су Анасы	29
Глава 9 Решение Убыр	31
Глава 10 Глаза Любимой	34
Повесть 2	38
Глава 1 Дары Карчик	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

СЫН ВЕДЬМЫ

Волшебная сказка

Валерий Тимофеев

по мотивам татарского фольклора

*Есть под Казанью село
Что рассказать о нем?
Почти такое же,
как в любимом тобою краю твоём.
Красивое, уютное, веселое,
С мечетью,
и с такой большою школою.
Сто раз и два по столько там я был,
Ел, песни слушал, хоровод водил.
Жаль только вот от старости
название забыл*

© Валерий Тимофеев, 2017

ISBN 978-5-4483-3352-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Присказка

Село как село, солнышком ласковым согретое, синим небом от невзгод прикрытое, людьми трудолюбивыми населенное, полями хлебородными да лесами неисхоженными со всех сторон окруженное.

Не большое и не маленькое – с одного края на другой криком не докричишься, но и часами на коне скакать не приходится. А вот пешим ходом, да в хорошей компании можно и день-деньской по красивым улочкам гулять. И не в каждый двор еще и зайдешь, не со всеми достойными человеками переговоришь, а все одно не притомишься.

Не бедное и не богатое.

Бедному в этих краях быть немного и стыдно, земли – бери, сколько хочешь, никто мер не устанавливал, только не ленись. Не хочешь пахать да сеять, в прудах рыба от тесноты боками склизкими толкается – вода пузырями кипит и гомон стоит; в лесах дичь летающая в воздухе сталкивается – рот не разевай, на лету голыми руками хватай, а прыгающая да лохматая друг дружке на пятки наступает.

А вот шибко богатым тут стать – совесть людям не позволяет, потому как каждый отдельный человек у всех на виду: ни украсть безнаказанно, ни обмануть безоглядно. Враз имя доброе черной сажеей испачкается. А разве найдется на земле богатство, которое дороже честного имени стоит?

Вот про то и я говорю.

Сколько тому селу лет?

А много!

И деды здесь жили, и прадеды, и их деды, и их прадеды. Я уж не говорю о пра-пра-пра-прадедах!

Чем занимались?

В Бога верили, любили и дружили, да детей растили. В каждой избушке ребятушек, что пальцев на руке – от мала и до велика, и сплошь мальчики и девочки, умники и умницы, удалыцы и красавицы!

Весной поля пахали и в прогретую землю семена бросали, летом солнцу и теплу радовались, да красоте жизни удивлялись, осенью добрый урожай собирали и свадьбы щедрые играли, а зимой что?

О! Зима – это особый разговор. Зимой на печи лежали, отдыхали от земных забот да силы к новому трудовому году накапливали.

Одним словом – существовали в согласии с глубоко почитаемым Богом и в единении с матушкой-природой.

Это только присказка.

А сама сказка впереди будет.

Глава 1 Русалка и черти

*Эта удивительная история началась
лет с двадцать тому назад.
Мои дед с бабкой еще не родились,
мамка с папкой не поженились,
потому как маленькие были,
в люльке лежали,
а я только-только работать пошел,
первый гвоздь забил,
первый грош нашел*

Теплое лето опять пришло на заждавшуюся землю – зазеленило хлебные поля, украсило хороводом цветов лесные лужайки, прогрело до самого дна богатый и щедрый пруд.

У русла небольшой речушки, что впадает в пруд, заливчик образовался. Плакучие ивы обступили его с двух сторон и купают в его водах свои зеленые космы. По берегу рассыпался золотистый песок, приятно шуршащий под ногами. А обок, там, где берег покруче и вода поглубже – чьи-то старательные руки пирс построили. Для одних – причал лодкам, для других – место для ныряния.

Юная русалка, накупавшись в воде, сидела на пирсе и расчесывала свои изумрудные волосы золотым гребешком. Солнце весело играло на ее серебристой чешуе, отражалось на гладь пруда сотнями озорных солнечных зайчиков.

Не ветер дунул, не гром ударил.

Невесть откуда набежали три черных как смоль чертенка. Один по кличке Обломан, – с отломанным под корень рогом. У другого, Куцего, хвост на треть короче, – вместо кисточки кулья торчит. А третий, Недобит, с бельмом вместо левого глаза. Сразу видно – забияки. И затеяли с русалкой игру: – нападают с трех сторон, треплют-спутывают только что расчесанные волосы, щекочут, надсмеаются, обидными словами кидаются.

- Ты – холодная, – толкает ее в плечо однорогий Обломан.
- Ты – противная, – не отстает от него Куцый.
- Твои волосы пахнут тиною, – морщит нос Недобит.
- Твой колючий нос рос да недорос, – щелк ее по носу.
- Твой огромный хвост, – хватает русалку за хвост и задирает его, – к голове прирос!
- Ха-ха-ха! – черти исполняют чертовский танец, кружась вокруг русалки.
- Смотришь в зеркальце кривое.
- Умиляешься.
- Да в таких по доброй воле не влюбляются!
- От тебя любой красавец убежит за три версты.
- Никакая не русалка! Ведьма!
- Ведьма!
- Ведьма ты!

Русалка приняла игру. Отложила гребешок, вскочила, раскинула руки – черти с криками кинулись враспынную. Она погналась за Недобитом, чертенком, который казался ей ближе и медлительнее остальных, – не убежал, ковылял, прихрамывая. А черт только притворялся неловким и медлительным. Ему нужно было отвлечь русалку и вот, когда она уже почти поймала обидчика за длинный хвост, шустрый Обломан схватил с пирса золотой гребешок и убежал с ним.

А в гребешке этом власть и сила ведьминская спрятаны. Без него она всю свою волшебную сущность теряет, рядовой русалкой становится.

- Отдайте мой гребешок! – просит у чертенят приказным тоном.
- Не отдадим. Выкупай! – нисколько не испугались черти.
- Что возьмете взамен? – спрашивает, чуть сбавляя обороты.
- Нам свой пруд уступай! – назначает заоблачную цену Куцый.
- А где мы будем жить? В траве или в прибрежном иле? – хочет знать.
- В пруду будете жить, как и раньше жили, – обещает Обломан.
- Только теперь заживете по-иному! – подсказывает Недобит.
- Как это?
- Служить будете не своему Водяному...
- А кому?
- Нам, чертям!
- Будете не просто служить.
- Но и прислуживать!

И бегают, и дразнятся, гребешок с рук на руки перекидывают. То-то им радости над слабым поизгаляться.

В это время на берег по своим делам Батыр пришел. Весла на плече – сети он с вечера в пруду поставил, вот и настало время снасти проверить да богатый улов собрать, не зря два больших мешка с собой прихватил. Увидел, как черти над русалкой измываются, поднял с земли толстую жердь и отходил безжалостно чертей по их чертовым бокам.

- Ой, больно!
- Ой, пощади!
- Кого? Вас?
- Нас! Нас!
- Чего это ради?
- Мы – хорошие!
- Уж так тебе рады!
- Не будет вашему чертову племени от Батыра пощады!

И опять жердью справа налево повел – кому по рогам, кому по бокам, а кому и куда попадет. Одноглазого Недобита, сшибленного жердью и замешкавшегося, поймал Батыр. Хвост его длинный на кулак намотал и кружит чертом в воздухе, как флагом, облака белые на синем небе разгоняет.

Молит черт.

- Отпусти меня, Батыр!
- Нет, не стану отпускать! – отвечает Батыр и еще сильнее раскручивает черта, аж свист в ушах стоит. Хвост как натянутая струна, смычком по нему проводи – зазвенит, если не порвется.
- Я тебе со дна пруда могу чего-нибудь достать, – подлизывается черт.
- Я все дно твое облазил – прямо, вдоль и поперек, – говорит Батыр.
- Ну и что? – любопытствуют черти.
- Хоть бы гвоздь нашелся ржавый, иль полезный пузырек, – сплюнул Батыр.
- Значит, плохо искал! – гогочут черти.
- Нет полезного там, – категоричен Батыр.
- Хочешь? Рыбы целый мешок дам!
- Ты свою шкуру оценил в мешок тухлой рыбы? – смеется Батыр.
- Два дам! – набавляет Недобит.
- Три! – расщедрился Куцый.
- А хочешь льда целую глыбу?
- Дурачок! Зачем мне летом целая глыба льда?
- Растает – будет питьевая вода, – уговаривает Обломан.

- Лучше я вздерну тебя на дыбе!
- Гребешок, заberi у них мой гребешок! – напоминает о себе русалка.
- Слышишь, что просит русалка? – строго спрашивает Батыр.
- Слышу!
- Отдай гребешок!
- Жалко!
- Что в нем такого ценного?
- Он же не простой, он – золотой! – торгуется Недобит.
- Надо же тебе было уродиться с головой такой пустой! – возводит глаза к небу Батыр. –

Ну? Гребешок или свобода? Выбирай!

- И какой же ты упрямый! – сдается черт. – Ладно, забирай!

Отдал черт гребешок, Батыр, как обещал, разжал кулак, отпустил Недобита. И полетел Недобит черт знает куда, только бурлит от его копыт прудовая вода.

Подошел молодец к русалке, вставил золотой гребешок в ее волосы.

А она только этого и ждала! Один свой волосок изумрудный из головы вырвала и незаметно на пуговицу Батыра наматывает, привораживает. Голову закинула, глаза свои бездонные ему показывает.

И в ту же минуту утонул Батыр в зеленых девичьих глазах.

- Как зовут тебя, красавица? – спрашивает эхом.

– Звать меня Су Анасы¹, – говорит со смехом.

- Чья ты будешь? Чьих кровей? Кто отец и мать?

Русалка с невинной улыбкой смотрит в его глаза и грозит пальчиком.

- Только встретил и уже столько хочешь знать?

Погладила его по щеке и уже серьезным голосом сказала:

- Спасибо тебе, молодец, за спасение!

– Подумаешь, накрутил черту хвоста, – краснеет Батыр.

– Придет час, отблагодарю я тебя не дорогим подарком, так вкусным угощением! – вильнула хвостом и в воду прыгнула.

- Эх, медовые твои уста.

Проводил ее Батыр взглядом, рукой запоздало замахал.

Русалка высунула голову.

- Что-то забыл?

– Когда еще увижу тебя?

- Хочешь увидеть?

– Да! Хочу, и как можно скорее!

Русалка полностью вынырнула из воды, – тело ее описало круг в воздухе. Блеснула серебром, обдала Батыра зелеными брызгами и говорит:

- Вечером приходи на это же место, не пожалеешь.

Черти в прибрежных кустах сидят, побитые бока поглаживают, за Батыром и русалкой подглядывают. Ну как пить дать, что-то нехорошее навораживают, выгадывают. Растопырили уши, разговоры чужие слушают.

Сел обнадеженный Батыр в лодку, взмахнул веслами и поплыл сети проверять, богатый улов собирать.

Только его лодка скрылась за кустами, из воды около чертей появилась лохматая русалочья голова. Язык им показала, рожищу скорчила, передразнила побитого черта чертовым голосом:

- От тебя любой красавец убежит за три версты?..

¹ Ведьма воды (тат).

- Ла-ла-ла! – морщат носы черти.
- Кто бы вякал, кто бы крякал, Куцый, только бы не ты!

Глава 2 Вечер любви

Погуляло солнце по синему небу, щедро одарило всё и всякого своим теплом и, утомившись, к горизонту направилось. Пора о покое подумать.

А на землю опустился долгожданный вечер.

Смотрит русалка, неналобуется – идет по берегу нарядный Батыр, – в новом бешмете, в расписной тюбетейке. Гордо так вышагивает, а за спиной букет полевых цветов прячет. Вот он уже совсем близко, еще несколько шажков и на месте встречи назначенной окажется. А место – то пустое!

– Ой, а я еще не готова! – оторвалась от наблюдения и засуетилась.

Выбралась на песчаный берег, укрылась в ивовых зарослях. Какие-то слова пошептала, щепоть песка по ветру пустила. А потом дважды ударила что есть силы хвостом о землю – скинула свою русалочью шкуру и обернулась девушкой-красавицей. Ненужную теперь шкуру свернула клубочком и спрятала в прибрежных ивовых кустах. Прошлогодними листьями да сухими ветками сверху укрыла-обозначила, чтобы знать, где потом искать.

Платье на ней, под стать наряду Батыра, от плавных движений сверкает, от закатных солнечных лучей искрится! Она его ручками разгладила, волосы золотым гребешком причесала, туфельки остроносые мхом болотным почистила, и предстала пред очами молодца в очаровательном облике.

Смотрит Батыр на нее и не узнает. И с левого боку не узнает, и с правого. Только головой по сторонам вертит, свою ненаглядную высматривает.

Су Анасы смеется.

– Что, добрый молодец! Не узнал?

– Знать тебя ни разу не знал, – растерялся Батыр. – Вот если бы знал, так сразу бы и узнал!

– А ведь это ты, я не ошиблась, наемни здесь чертей прогнал?

– Ну, – скромно потупился Батыр, – было такое дело.

– Действовал ты, не пример сиюминутному, решительно и смело.

– Извини, я тут жду...

– Гребешок мой золотой держал в руках своих?

– Держал, – растерялся Батыр.

– А еще, – поднялась на цыпочки и заглянула ему в глаза, – смотрю – не ты ли утонул в глазах моих?

И покатился окрест ее залихватый смех.

Некуда деваться Батыру, опять глянул в ее бездонные глаза, и насовсем в них пропал. Огонь настоящей любви зажегся в его сердце, да такой сильный, что и видеть кроме нее ничего вокруг не видит, и слышать кроме ее голоса ничего вокруг не слышит – ни плеска волн, ни пенья птиц.

Взявшись за руки, долго гуляли они по берегу пруда. Им даже разговаривать не надо, сердца стучали так громко, что, казалось, на другом берегу их слышно и всем про все сразу и навсегда понятно.

Побитые и обиженные черти забыли про свои дела. В ожидании чего-нибудь интересного, наблюдали за ними издали, перебегая от кустика к кусту, строили рожки и грозили кулаками.

Потом рука Батыра легла на плечи девушки, и еще долго гуляли по берегу пруда: туда-сюда и опять: туда-сюда.

А потом устали и присели отдохнуть на ствол поваленного дерева...

Чем ближе Солнце клонилось к закату, тем ниже Батыр с русалкой клонились к травке шелковой.

Вспыхнул веселый костерок, с легким треском пережевывая сухие ветки. В столб дыма влетают золотые искорки, поднимаются и гаснут. Вот уже и лунная дорожка колыхается на ряби потемневшей воды причудливыми пятнами. Звездочки со всего неба в зеркало пруда смотрятся...

Ночная птица затаила дыхание. Ветер ни одного листочка не шевельнет.

С тишиной, опустившейся на землю, пришла их сладкая ночь.

То-то бодались и кусали свои хвосты черные чертенята.

Их злобный шепот в кустах шелестит.

– Ужо мы найдем, как вам отомстить!

– Будете еще молить о смерти!

– Черти мы, или не черти?

– Клянемся наказать ведьму?

– Клянемся!

– Клянемся! – стукнулись чугунными лбами со всей силы, аж искры на версту землю вокруг осветили.

Еще утро по-настоящему не наступило. Только-только серой краской окрасился восток за прудом, а уже проснулась русалка. Так долго без своей любимой шкуры она до сей поры ни разу не оставалась. А без шкуры и без воды все ее тело начало высыхать, сжиматься, глубокими морщинами покрываться. Такое чувство, будто ее веревками опутали и все ту же их захват, все ту же. И дышать тяжело, и думать больно.

А ну как проснется Батыр и увидит ее в таком неприглядном виде?

Как ни жалко было вставать, но делать нечего. Высвободилась из-под руки любимого, поднялась тихонько. Последний раз прикоснулась губами к его щеке, поймала сонное дыхание, запоминая, и ушла, едва касаясь ногами росы серебряной на траве шелковой. Платье на ней как на вешалке болтается, весь свой блеск потеряло. Туфельки с похудевших ног сваливаются – пришлось в руки их взять.

Кинулась ведьма в прибрежные кусты, отыскала свою нычку², а шкуры спрятанной там нет.

Точно помнит, вот под этой раскидистой ивой, в этом сплетении корней, под этими сухими ветками прятала!

Пометалась, искала и под другими деревьями, чуть ни под каждый листик заглянула – нет нигде.

Устала, сидит, сокрушается:

В первый раз влюблена,
Чудной ночью пьяна,
Мое сердце на ложе с любимым осталось.
Есть ли дым без огня? —
Кто-то учит меня,
Неужели пора испытаний настала?
Как вор сумел пробрался сюда?
Я не нашла никакого следа.
Запахи были, да смыла вода,
Ветер развеял.
Это еще полбеда, не беда,
Чувствую, скоро примчится сюда
Ропот и рокот людского суда.

² Нычка – тайник, закладка.

Есть ли что злее?

– Лучше бы мне вовек не проснуться, – причитает. – Лучше забыть и себя и свое имя. Как в таком виде в воду вернуться? Кто меня, опозоренную, примет?!

Без шкуры, высохшей – где слезы взять? А и были бы, разве слезами горю поможешь? Встрепенулась русалка.

– Нет, не время горевать, – приказывает себе. – Надо выход искать. Думай, Су Анасы, думай!

Из последних сил напрягла мысли.

– Кто бы мог мне такую подлость учинить? – в сотый раз вопрос себе задала и, как ей показалось, догадалась.

– Черти! – кличет, а те тут как тут, и ждать их три года не пришлось.

– Чего изволите? – выстроились в ряд, преданно в глаза заглядывают.

– Вы со мной такую злую шутку сыграли? – брови нахмурила, руки в бока уперла.

– Какую? – застыли в недоумении лохматые. Они ж только задумали влюбленных наказать, а само наказание для них еще и не придумали, не до того рогатым было – подглядывали.

– Шкуру мою украли!

Будто дубинкой по голове им попало! Черти подпрыгивают, черти разводят руками, черти толкают друг друга.

– Вот что надо бы сделать!

– Эх, балбесы!

– До такого простого и не додумались!

И ну друг друга мутузить, нехорошими словами обзывать, умственные способности вслух пересчитывать.

Хоть и увертливы черти, и лживы, и запросто могут для показухи самые грозные баталии устроить, свои собственные хребты не щадить, но тут поверила им ведьма, – действительно, где им с их малым умишком до такого хитрого да подлого додуматься.

Стали они вчетвером шкуру искать, все больше и больше расширяя круг поисков. А потом чертям надоело, или другие дела у них объявились.

– Мы что, нанимались к тебе в помощники?

– Тебе надо, ты и ищи!

– У нас своих забот полон рот, – нашли отговорку и сбежали.

Солнце землю припекает, сил у ведьмы итак немного, последние забирает. Ищет Су Анасы по лесным закоулкам, плачет.

Вышла я из себя, не найти покоя,
Тело высохнет, силы уйдут.
Это мне за любовь наказание такое,
Это я за любовь угодила в беду.
Наша встреча с тобой оказалась короткой,
Я вчера не могла и об этом мечтать!
Рядом ты, ну всего-то за тем поворотом,
Сделать шаг, полететь!
Не могу я летать.

И тут она увидела Батыра. И он ходит темнее тучи по лесным тропкам, любимую свою ищет. Только рот раскрыла – закричать, позвать, но вовремя опомнилась.

Нет страшнее мучения

– знать, что ты рядом,
Только руку к тебе протяни.
Счастье длится мгновенье,
– оно как награда,
У тоски – бесконечные дни.

И пошла ведьма куда глаза глядят. Искать украденную у нее шкуру и место свое на ставшей такой пустой и неудобной земле.

Глава 3 Карчик

На самой дальней окраине села через неглубокий овражек прокинут хлипенький мосток. Так себе мосток – три поваленных лесины тесовыми досками промеж собой скреплены и перильцами какими ни то обставлены, чтобы, значит, путнику не свалиться, даже вдруг он на нетвердом ходу или с тяжелой поклажей в путь собрался. Ну и телега с лошадкой, если не подгонять, прошмыгнет.

По мостку проходит как бы граница – с этой стороны еще село, живые люди с повседневными делами и заботами. А по ту сторону, почитай, что уже и лесные просторы зачинаются.

Слева от мостка, перед самой горой, в сосновом хороводе место для упокоения. Из года в год, из века в век под защитой столетних сосен находили свое последнее пристанище почившие селяне. А живые приходили помянуть, поклониться, и ответа мудрого на вопросы трудные поискать.

Справа от мостка, на проторенной дороге к бьющему из скалы ключику, скучает полуразрушенная кузница.

А посередине этого раздолья опушка...

На опушке две одиноких сосны богато так кроны раскинули и почти спрятали маленькую покосившуюся избушку. Избушка не просто маленькая, а еще и старенькая, по самые окна в землю вросла. Тесовая крыша толстым слоем изумрудно-зеленого мха покрылась, печная труба набок смотрит, входную дверь жердь подпирает, калитка об одной петле вечно нараспашку. А для чего ее запирать, когда остального забора ни вправо нет, ни влево не поставили? Вольготно – заходи, кто хочет, и выходи, ни у кого два раза не спросясь. На задворках козы сами себе пасутся, по огороду гуси да куры запросто гуляют, гогочут и кудахчут, дела свои обсуждая. На щедром солнышке пушистый котенок разлегся – серый бок греет.

Вроде и жалкое зрелище эта избушка, ан нет! Не нищетой и запустением здесь пахнет, а свободой и умиротворением.

Вечеру, когда солнышко за гору спрячется, на небо месяц в окружении звезд выплывет, жуть и холод заполнят все пространство от кладбища до развалин кузницы. Ух, хоть я и не робкого десятка, но и у меня мороз по коже, окажись я в этот час на этом месте. Но... загорятся два низеньких окошка бледно-желтым светом. Холод, пустота и одиночество враз силу свою растеряют. От окон таким теплом и уютом повеет, что непременно зайти хочется, обогреться да слово доброе услышать.

Живет в этой древней избушке такая же древняя-предревняя бабушка Карчик. Лет ей столь много, что не отыщется в округе ни одного человека, который бы помнил ее молодой или хотя бы не старой. Доводилась она по годам бабушкой самой старой бабушке села. Только вот не слышать, чтобы внуки у нее были, правнуки или какая другая родня. Одна-одинешенька на всем белом свете.

Была Карчик росточком невелика; ноги у нее колесом, спина сторбленная, а кожа сморщенная, как кора на вековой лесине. Лицом худоцава, безоговорочно владела острым носом и двумя торчащими изо рта желтыми зубами. Но руки Карчик имела крепкие да цепкие, ум быстрый и светлый, а глаз до сей поры острый.

Знала она много всяких сказок и историй, знала наперечет всех жителей села – и тех, что еще здравствовали на земле, и тех, кто был да давно прахом стал и внизу под сосенками лежит. Про любого могла целую книгу жизни рассказать, если бы кто полюбостествовал. Вряд ли найдется в этом селе хоть один человек, кого не первыми коснулись руки Карчик, ибо лучшей

повитухи³ не знали в округе. Все роженицы заранее обговаривали с родней и мужьями, чтобы их в нужную минуту везли именно к Карчик. Или любимыми посулами звали старуху в дом.

А еще умела она врачевать как тела людские, так и души человеческие.

Что-то вроде знахарки.

С ранней весны, когда первая травинка из-под снега вытает, и до первого снега, когда последняя ягодка на морозе окаменеет, бродит Карчик по лесам и болотам, все что-то собирает, вынюхивает, выискивает, и в суму свою бездонную, через плечо перекинутую, прячет-укладывает.

В избушке у нее по стенам и с потолка свисает бесчисленное число пучков сушеных трав и кореньев, грибов и ягод. На полках стояли сотни пузырьков и баночек с мазями, настоями и отварами. В иных закупоренных банках плавали лягушки, ящерики и даже пауки. Вот печень кабана, здесь волчий язык и медвежье ухо. А рядом совсем непотребное – пучеглазые головы ядовитых змей. На стене козы рога с черепом, медвежья голова и волчья пасть без трех передних зубов. Больно уж хорошая добавка в снадобье – толченые волчьи зубы. И не пойми – рыба или змеиная шкура, серебристо-блескучая, с раздвоенным хвостом, косматой головой и выпученными глазами, да такая огромная, что и человеку в нее завернуться от макушки до ног в самую пору будет.

Вот из-за этой самой шкуры больше всего тени падало на хозяйку избушки. Поговаривали люди, что Карчик не просто знает всякие лечебные травы, грибы и коренья. А она и с нечистой силой шуры-муры водит.

Сейчас уже и не упомнят, кто эту байку первым рассказывал, только как-то в полнолуние видели, как старуха колдует над девушкой. Накинула на себя рыбу шкуру, жжет в избушке своей, прямо на земляном полу, большой костер. Космы седые растрепаны, глаза безумны; кидает в огонь сушеные вершки и корешки, чьи-то волосы и лоскутки одежды. Пляшет дикие танцы, стучит в бубен и кричит нечеловеческим голосом слова неизвестно кому:

Тик сиэннен аны!⁴
Нет здесь ЕЕ вины,
Насыплю на рану соль,
Только возьми ее боль.
Хочешь, в придачу возьми
Стужу прошедшей зимы,
Дым прогоревшей печи,
Солнечный свет в ночи.
Мало? Я дам не скупясь
Из паутины вязь,
Утренний звон росы...
Только ЕЕ не проси.

К кому обращается?
Кто ее видит?
Кто ее слышит?
А костер зачем?
А эти пожертвования огню?
И бубен!
Ну, чистая ведьма!

³ Женщина, принимающая ребенка во время рождения.

⁴ Возьми ее боль (тат).

Так и приклеилось к бабушке прозвище. Стали ее в глаза называть Кар-чик, вроде как злая старуха, а за глаза и того короче – Кар-га, равняя с вороньим племенем.

Но все равно, как ни побаивались в селе бабушки Карчик, как ни рассказывали про нее всякие страшные небылицы, а, прихватит неодолимая хворь, и, приготовив подарок или угощение, не к доктору, не к мулле, к ней на поклон идут:

– Спаси, баушка, сохрани, не дай раньше времени сгинуть.

Никому не отказывает, – ни тому, кто с даром вкусным или полезным явился, ни тому, кто сам еле живой приполз и ничего, кроме себя болезного не принес. Всяк от нее доброе слово услышит, нужную помощь получит и своими ногами домой здоровехонький пойдет.

Глава 4 Заблудившаяся

Зимние холода выстудили землю, а злые февральские метели, почувствовав свободу и безнаказанность, засыпали толстым слоем снега все дороги и тропинки, сделали их непроходимыми.

В свои последние дни зима завсегда беспредел учиняет. То ли мстит за то, что силы ее на исходе, то ли пытается доделать недоделанное – дать сполна промерзнуть всему живому и неживому. Говорят, что в плохую погоду хороший хозяин даже собаку со двора не выпустит. Но сегодняшним днем не то, что со двора, а и во двор выходить страшно!..

Как путник пробился через толщу снега, как увидел слабый огонек в окне покосившейся избышки?

Даже бабушка Карчик не знала этого.

Как всегда по вечерам, она сидела на длинной лавке у своего рабочего стола и колдовала над своими травами и снадобьями. Сегодня перебирала листья чертополоха и семена полыни для очередного лечебного настоя.

Тут и раздался в ночи слабый стук, даже не стук, а легкое царапанье в маленькое промерзшее оконце.

Встала Карчик с лавки. Но не пошла к окну посмотреть, как я бы сделал, не спросила привычного:

– Кто там?

Открыла нараспашку скрипучую дверь и увидела стоящий по колена в снегу комок тряпок. Выскочила на снег в своих коротких чеботах, подхватила гостя под бока и завела в натопленную избышку.

– Сейчас, сейчас согреешься, – усадила на приступок⁵ поближе к огню. И, пока гость устраивался поудобнее, руки из кокона тряпок доставал, – плеснула из чугунка густого куриного бульона и насильно всунула в скованные пальцы глиняную чашку.

– Испей с дороги, – попросила, – погрей нутро озябшее.

Чем меньше в чашке оставалось питья, тем больше распахивалось одежд. И вот уже сидит перед Карчик молоденькая женщина. Щеки порозовели от мороза и еды, а сама худая до того, что прожилки сеточкой паутины сквозь прозрачную кожу видны. Маленький носик заострился, а синие печальные глаза глубоко в глазницы провалились.

Ну, в чем только душа держится!

– Не из здешних краев, – это Карчик сразу увидела. Малость удивилась: – Как это в такую пору по земле-то гулять? Да еще и одной, да пешим ходом? – но виду не подала, вопросов никаких не задает, гостью глазами не сверлит, не смущает.

После чашки выпитого бульона кружку чая своего многосильного наливает, да краюху горячего хлеба подносит.

– А это вдогонку отправь, – советует, – тебе и полегчает.

Маленькая женщина бережно принимает дар, смотрит сначала на дымящуюся кружку, потом на краюху хлеба, словно решение принимает – с чего начать? – поднимает на Карчик бездонные и благодарные глаза и говорит слабым голосом.

– Прямо как в сказке у тебя, бабушка.

– Ты про какую сказку говоришь? – поддерживает живой разговор хозяйка.

– Ну... ту, где советуют: «Сначала напои, накорми, спать уложи, а потом уже и вопросы задавай».

– А! – улыбнулась Карчик, заповеди гостеприимства подтверждая.

⁵ Маленькая скамеечка.

– Я, случаем, не в сказку попала? – подняла глаза от пола и по сторонам повела. Все ей в интерес.

Карчик опустилась перед гостьей на колени, погладила ее по тоненькой ручке, кивнула приветливо.

– Из такой непогоды, милая, в любом тепле, даже в таком простом как у меня, оказаться – сказка, – ответила ободряюще.

Когда половина от краюшки хлеба была проглочена, а кружка до середины опустела, спросила гостя несмело.

– Как зовут тебя, бабушка?

– Карчик все кличут, – поведала и первый за весь вечер встречный вопрос задала. – Как мне тебя-то называть, внучка?

Не прямо спросила – Как твоё имя? – А уклончиво – давая гостье простор для ответа – мол, как хочешь, так и назовись, – я не допрос чиню, я уважение к свободе твоей проявляю.

– Адашкан, – сказала еле слышно, всего-то на долю секунды замешкавшись, а глаза, как приклеенные, на шкуру серебряную смотрят и все шире раскрываются.

Покачала Карчик седой головой и прошептала, сама для себя, понимающе.

– Бедненькая ты моя. Ну, адашкан, так адашкан⁶. Будь по-твоему.

Видит, а лицо гостьи вроде как округляется понемногу. Уже не такой острый нос, не такие впалые глаза, и кожа из прозрачного пергамента обычный цвет принимает.

Вдруг озноб все ее тело мелкой дрожью начал тряссти. В глазах не огоньки, частые молнии сверкают, пальцы в кулачки сжались и зуб на зуб не попадает.

– Никак, хворь в тебя вселилась, – поднялась с колен Карчик и к полке с лекарствами своими спешит.

– Не хворь это, – останавливает ее Адашкан неожиданно твердым голосом.

– А что же? – резко остановилась Карчик, переменной в гостье дивясь.

– Промерзла я до самых косточек, – заявляет Адашкан. – Ты на меня шкуру эту накинь, я и согреюсь!

Какой бы странной ни показалась старухе просьба, но слово гостьи – закон для хозяйки. Сняла она шкуру со стены и на девицу ее набросила.

И сразу пропал у Адашкан озноб, и зубы дробь не выбивают, и глаза перестали молнии метать. Обмякла всем телом, виновато в пол усталились, вроде как за резкость недавнюю извиняясь.

В том же смущении допила Адашкан чай, доела краюшку хлеба, оттаяла. Сморило ее от еды и тепла, глазоньки поволока накрыла. Сидит на приступке у огня, носом кивает.

Приготовила Карчик постель на сэке⁷. Налила в лохань теплой воды и, как Адашкан не сопротивлялась, омыла девице разбитые и уставшие от долгой дороги ноги. Протерла их чистой тряпичей, мазью заживляющей густо в три слоя намазала.

Спать уложила сразу под три одеяла: первым положила успокаивающее, в середку согревающее, а сверху сны дарящее. Вместо простынки, по просьбе гостьи, опять же шкуру рыбью бросила.

А под утро Адашкан заметалась в постели. Раскидывая одеяла, закричала слова резкие, непонятные.

Ветер за окном взбесился, вьюгой поземку метет. Сосны качаются, страшным скрипом скрипят. Пес воет, куры кудахчут, козы в страхе мемекают.

⁶ Заблудшая, заблудившаяся (тат).

⁷ Сплошные нары в переднем углу, используются как стол и место для сна (тат).

Карчик тут как тут, пришла на помощь, – опыта-то у нее о-го-го сколько! По первым крикам поняла причину паники, свет зажгла, все необходимое припасла, – тут вода горячая для питья расслабляющего, тут посудки разные с настоями для протирания и умывания.

Наступивший рассвет огласил тонкий детский крик.

Сама как дите, разродилась Заблудшая мальчиком.

От такого слабого семени и малец появился на свет малюсеньким, всего-то в две ладошки величиною, да в неполный кувшин весом.

Приняла плод Карчик, и аж слезы у нее на глаза навернулись.

– Не жилец, – подумала было старая, разглядывая младенца. До того слабым и несуразным народившийся ребеночек ей показался. Много всяких новорожденных за свою долгую жизнь она видала, а такого вот приняла впервые.

Но малыш в теплых руках бодренько шевельнулся, в старушечий палец ручонкой своей вцепился, ногой норовисто двинул, – и такая сила в нем пробудилась, такая жажда жизни, что прогнала старая прочь подленькую мысль. И тут же давай хлопотать: ключевой водой омыла, куском синего неба укрыла, в поле ромашковое завернула. И, любовью обихоженного, к мамкиной груди приложила.

Сама не нарадуется – силы в ней вдесятеро прибыло, еще бы! Вон какая сладкая забота нежданно-негаданно объявилась!

Чем ей чаще заниматься приходится?
Помогать больным и немощным в старости
Отодвинуть хоть на миг встречу с вечностью,
Поддержать своей заботой и жалостью.
Даже слово, если сказано вовремя,
Да глоток воды, подаренный ждущему,
Вроде, мелочи, а жизнь чашей полною
Могут сделать даже самому нищему.

Глава 5 Следы

Не шаркает, не ходит, – летает Карчик по избе, крылья у нее за спиной выросли.

С утра печь пожарче натопила, в лохань снега нетоптаного натаскала, воды небесной с три колоды нагрела. Купание да стирку всему своему дому устроила.

Пыль со стен собрала и в квашне из нее тесто замесила, – то-то лепешек наивкусных настряпается!

Грязь по углам вымела, трухи соломенной в нее добавила и щели в стенах законопатил – тепло беречь надо. Жар печной, что раньше ей одной доставался, теперь на троих делить придется.

Одеяла стеганные новыми яркими звездами украсила.

Подушки перетряхнула, свежими облаками наполнила.

Тут и жарешка поспела – пора молодую мамку не сладкими обещаниями, – живой едой кормить.

Присела Карчик за стол, дух перевела – любитесь, как Адашкан ест, мальчика к груди прижимая. И смотрит на него, как на чудо, невесть откуда на нее свалившееся.

И только сейчас, задним умом, вспомнила Карчик – а ведь во дворе-то у нее следов никаких сторонних и нет!

Всплеснула руками.

– Ой, чего эт я расселась! Печь-то у меня последнее полено доедает, корой сушеной закусывает!

Высочила на двор – вроде как по делам, за охапкой дров, – еще раз осмотрелась.

День какой прекрасный! Март на пороге, солнце первые проталинки на снегу прожгло. С крыши звонкая капелька упала!

– Вот у окошка снег примят, – тут Адашкан стучалась. Вот дорожка следов к двери в избу, – это я ее вела. А как она к окошку подошла? С какой стороны? Не по воздуху же прилетела!

Или по воздуху?

Стоит-гадает, снег разглядывает да кончики платка мнет. А когда глаза подняла – из-за мутного стекла на нее Адашкан смотрит. И не простая Адашкан, а в шкуру рыбью как по ней сшитую одетая, и взгляд у нее недобрый, нахмуренный.

Только и моргнула глазками один разок Карчик, а видение за этот миг растворилось, исчезло. Потрясла седой головой, марь⁸ отгоняя, пошла к поленнице. Набрала охапку колотых березовых дров и в избушку вернулась.

Сидит Адашкан, как сидела, за столом, ложкой в чашку ныряет, и никакого намека на то, что она от этого вкусного дела хоть на раз отрывалась. И глаз улыбочатых с малыша не сводит, то ли песенку мурлычет ему, то ли хоровод хороводит.

Глянула и на стену. Рыбья шкура как висела, ею утром повешенная, так и висит, ни на волосок с места не стронутая.

Ничего Адашкан старухе не сказала, ничего Карчик у молодки не спросила. Только еще большей лаской да заботой мать и ее малыша окружила. Но даже сам воздух в теплой избушке гуще стал, а по всему пространству от двери до окон хруст стоит – это мысли в двух головах трутся, думы свои с места на место перегоняют.

Так они остаток дня вместе провели, – одна крутится белкой в колесе, другая с ребенка глаз не сводит.

⁸ Марь – марево, мираж, кажущееся.

С уходом солнышка повечеряли, но в глаза друг дружке уже открыто не смотрели, какая-то ширмочка между ними протянулась.

Пришло время на вторую ночь спать ложиться.

Как и в прошлый вечер, выставила Карчик лохань, плеснула теплой воды, ноги Адашкан омыла, спать ее и мальчика на сэке уложила. Тремя одеялами и шкурой для тепла укрыла. А когда пошла вылить на снег использованную воду, глянь – блеснуло чтой-то. Но в вечерней темноте разве ж разберешь.

– Утро вечера мудренее, – сама себе говорит. – Завтра посмотрю, что там выплеснулось, – обещает.

Прибралась в избушке, дров полную печь натолкала, и сама вслед за Адашкан и малышом вскорости уторкалась.

На другое утро, едва петушок первый голос подал, встала остороженько Адашкан с теплой постели. Осмотрелась по сторонам, глаза до щелок прищуря – вроде как вспоминая что-то. Или запоминая? Только губы беззвучно шевелятся. Желтые всполохи огня освещают жаркую избу, сонные тени мерцают на стенах причудливыми бликами. Стражами охраняют покой избушки и ее обитателей волчья пасть и медвежья голова. Наполняют воздух ароматами еловые ветви и пучки разнотравья.

Спит малыш, в чистые пеленки укутанный, спит Карчик, к стене отвернувшись.

Бесшумно достала из-под сакэ котомку со своими вещичками, сунула сверху свернутую в тугий узел шкуру. Взяла со стола краюху хлеба, положив на ее место чтой-то, и змейкой выскользнула во двор.

Только дверь жалобно скрипнула, секрет ее выдавая.

От этого малого звука даже паук на полатах⁹ не встрепенулся, медвежья голова окостеневшим глазом не моргнула, а Карчик проснулась.

Всего-то один глаз на половинку открыла, напряглась, слушает – но боле ничего: ни скрипа шагов по снегу, ни другого звука в предутренней тишине. Только дрова в очаге шкворкают-потрескивают, да малыш сыто посапывает.

Уснула дальше и не волнуется.

Лишь после третьего петушиного крика поднялась окончательно и пропажу гости заметила. Но поперву не встревожилась. Мало ли, думает, какая нужда у человека случилась – проветриться захотела, воздухом свежим подышать.

Час нет Адашкан, другой.

Проснулся и малец, есть просит.

В первый раз тень беспокойства на чело легла. Вышла Карчик за порог, – проведать молодую маму, а той и нет. Только теперь четкая дорожка следов демонстративно в сторону леса вьется. Посмотрела на следы Карчик и усмехнулась одной половинкой лица.

– Хоть и наследила ты, Заблудшая, мне для показу, а того тебе невдомек, что человек-то не так ступает. Он всёй тяжестью снег до земли мнет. А ты только на вершок придавила.

Вспомнила про вчерашнюю выплеснутую воду. Наклонилась посмотреть, а там пластинка рыбьей чешуи сверкает.

Поцокала Карчик языком, покивала седой головой – не бежать же вослед. Разве по такому снегу догонишь? А и догонишь, что спросишь? – Куда ты собралась? – И что в ответ захочешь услышать? – А твое ли это дело?

Нет Карчик никакого дела, не мамка она ей, и даже не родная тетка. Раз собралась и ушла Адашкан, знать так ей надо, – свои личные думы в голове имеет. Небось, не раз все просчитала-проверила.

⁹ Полати – деревянный настил под потолком у печки. Там дольше сохраняется тепло и обычно в больших семьях спят дети.

Где она сейчас? Да хоть в тридевятиом царстве, тридесятом государстве на печи сидит, чай распивает.

Делать нечего, вернулась в избушку, огляделась – забрала Адашкан котомку со своими нехитрыми пожитками. Только и остался на столе кулончик золотой на крепкой шелковой нити. А на кулончике том русалка изображена – до пояса рыба-рыбой, а выше пояса – девица красная, на ту похожая, чья шкура на стене у Карчик висит.

Глазами повела.

– Оппа-на!

Висела.

Глава 6 Рыбья шкура

Карчик раньше особо и не задумывалась, как и зачем к ней эта шкура попала.

Много людей разных через избушку старухи прошло: и своих, и чужих. Всех и не упомянешь. Что после кого осталось? В чулане вон испокон века цельная полка забытых вещей пылится. Кто-то вспомнит и придет за нужным добром, кто рукой махнет.

А шкуру кто забыл?

Пришлось память напрячь...

Как-то услышала во дворе своем собачий рык. Вышла глянуть, а Караколак¹⁰, пес ее дворовый, шкуру зубами треплет, – волосы дыбом, глаза кровью налились. Необычная шкура не мехом наружу ошерилась, – серебристой рыбьей чешуей на солнце переливается.

– Фу, Черноух! – отогнала Караколака, подняла шкуру – ничего, добрая вещь, всего-то в двух местах песик острыми клыками порвать успел.

Страхнула от пыли и грязи, занесла в избу. Еще раз всю осмотрела, пальцами каждый сантиметр ощупала, – точно, всего две Обломых дыры.

Взяла иголку с ниткой, присела к свету – раны заштопывает. А шкура под ее руками словно от боли вздрагивает и охает. С каждым уколом иголки чешуйки аж до скрипа крепко судорогой сводит, из глазок слезки маленькими капельками на пол звонко падают и под стол жемчугом драгоценным катятся. Карчик потом целую горсть бусинок с пола собрала, ожерелье дорогое себе исделала.

Залечила ровными швами раны, волосы изумрудные на голове разгладила, слезы последние смахнула, и шкуру на стену повесила – все украшение какое. И про то еще походя подумать успела:

– А где ее Караколак взял?

Он же не на привязи, носится целыми днями, куда нос его собачий позовет. То в лесу на охоте пропадает, то на пруд гусей да уток пасти бегаёт.

Или кто шкуру эту во двор специально подбросил? Или песик находчивый где у воды сыскал-украл? Бессловесная скотинка, у нее не спросишь, к ответу не призовешь.

Было это... когда же было-то? А в аккурат или в конце мая, или в первые летние дни. Вот с тех самых пор шкура все висит и висит на стене, места лишнего не занимает, хлеба не просит. А вот света от ее блеска в избе изрядно добавилось.

Никто ее за все это время ни разу не спрашивал, никто за ней не приходил, претензий не заявлял. Карчик в эту сторону и не заморачивалась, умысла какого – продать там ее, или в снадобье какое спользовать – она не имела. А потому и думать забыла – своих дел да забот на полный день припасено, да еще и с остатком на дни другие заготовлено.

Может, к концу лета, а может и осенью глянула как-то шкуру, нет ли моли или еще каких вредителей. А швы, которыми она прокусы латала, рассосались, зажили. Ни шрама, ни рубчика. Кабы своими руками не чинила, и не поверила бы, что вещь латаная.

– Эк, чудо какое, – вскинула голову Карчик. И другими глазами на шкуру посмотрела. – Живая!

Пару раз на себя ее накидывала, вроде как примеряла. И, странное дело, шкура, обычно безразлично-холодная, в жару прохладой окутывает; в студёный день тепло дарит. Но каждый раз в голове круговерть начинается, теряется ощущение времени и пространства, словно она в путешествие по чужому миру отправляется.

Первый раз видит – бредет она по лесу, вроде, и знакомому, и в то же время незнакомому. К привычным ей соснам да березкам, диковинные широколистые деревья добавля-

¹⁰ Черное ухо (тат).

ются. Да сплошь корнями от земли до самых вершин увитые, цветами неземными обсыпанные. И с цветка на цветок не пчелы, птицы радужные перелетают, сладким нектаром наполненные. И весь лесной шум, весь птичий гомон в ушах многоликим оркестром звучит.

Идет Карчик среди этакой красоты невиданной и каждый кустик, каждая веточка с ней на своем языке разговаривают, сказку лесную рассказывают.

– Я, – говорит пятилистный вишнево-оранжевый цветок, – Сила Забвения. Капли сока моего хватит, чтобы память навсегда отбить. И нет такого настоя, такого отвара, который бы мое волшебство отвратил.

– Во мне, – шепчет серенький невзрачный цветочек, – Сила Жизни спрятана. Кто мою тайну раскроет, еще сто лет проживет.

– Во мне Ясный Ум зашифрован. Ты возьми меня в лунную полночь, окропи росой пред-рассветной, дай три года и три дня настояться, и я силу свою тебе явлю...

До сбитых ног бродила Карчик по лесу незнакомому, пока, усталая, на землю, корнями изрытую, не упала, за ветку сухую краем шкуры не зацепилась.

Повисла шкура на сучке. И сразу старая опять в своей избушке оказалась, у своего стола, перед своим добром.

Долго трясла головой, в себя приходя.

– Что за чушь такая приснилась? – глянула, где солнышко висит, часы посчитала. – Если по времени судить, всего каких-то пары минут меня здесь не было, а кажется, день-деньской гуляла.

Верить ли?

Не маленькая девица, не глупенькая, на веру волшебное не приняла.

Да вот зря.

Чует, ноги ее огнем горят. Скинула обувь, а там мозоль на мозоли, будто она и впрямь день-деньской по дорогам неудобным ходила.

Это дело привычное – мазей волшебных у нее на всякий недочет приготовлено.

А потом чегой-то в карман свой залезла, – больно уж он наполненным оттопыривается – а в нем цветок пятилистный вишнево-оранжевый лежит, да другой – серенький невзрачный, да и еще горсть всяко-разных друг к дружке прижалась.

Верить ли?

Стала вспоминать, что ей растения про себя рассказывали, из которого что приготовить можно. Почти все вспомнила, в книгу поминальную записала. Да вот, к ее неудовольствию, осталась пара листочков, про которые в памяти провал. Отчего и зачем сорвала их? Для какой такой надобности?

Ладно, думает, отдохну денек-другой заживут натруженные ноженьки, и еще раз прогуляюсь по загадочному лесу.

Так и сделала.

Выждала сколь-то дней, опять шкуру на себя набросила, в надежде восполнить забытое.

А ее в другое место перекинуло.

Блазнится, что она в морских глубинах среди себе подобных плавает, и они ее даже за свою признают. Приближаются со всех сторон русалки длиннохвостые, любезничают-улыбаются. И она им той же монетой. Вроде как экскурсию по морским просторам устраивают, и то показывают, и это. Молодой рыбкой угощают, свежими водорослями закусить предлагают. И все песни протяжные поют, хороводы вокруг нее водят. А сами ненароком подталкивают ко дворцу подводному, к воротам белокаменным.

На воротах грозный страж стоит, вход охраняет. Работа у него такая – всех проверять, вопросы-пароли, заранее прописанные, вслух задавать.

Карчик во дворец идти не хочется, – она ж, если рот раскроет, сразу себя и выдаст. Как незваного гостя примут? Какое наказание придумают? Назад пятится, но где там! Обступили русалки, не пускают. Уже и брови хмурятся, а в глазах злые искорки зажигаются.

Делать нечего, остановилась она перед воротами, к испытанию готовая.

– Кто ты? – звучит трубный голос.

– Я – то, почитай, что никто! – отвечает Карчик сбивающей загадкой.

– Куда идешь? – читается по бумаге второй вопрос.

– Иду я слева направо, не за ради забавы, а пока не найду на тебя управу, – отвечает в том же духе.

– По какой надобности? – выдает стражник третий обязательный вопрос.

– Молча сказать, что тебе не дать, у него не взять.

Сверяет стражник ответы с контрольным листом и видит – неправильные называются пароли, не нравятся они стражнику.

Закричал он страшным голосом, схватил самозванку за руки, в темницу потянул.

Дернулась она из последних сил, и вдруг вспышка – яркий свет и полная пустота.

Не помнит – как опять оказалась без шкуры, – сама ли сорвала, или помог кто. Только стоит она посреди избушки своей и кажется ей, что сто лет пролетело за одну короткую минуту. Целую неделю руки, стражником заломанные, болели-саднили, работать не давали.

Больше Карчик со шкурой этой не связывалась, на себя не одевала.

Глава 7 Колдовство Карчик

Такие вот воспоминания мигом пролетели перед глазами.

И еще вспомнила Карчик вчерашний день, когда утром постель прибирала и шкуру на стену вешала. Прикоснулась к ней и руку отдернула. Всегда безразлично-холодная, на этот раз теплом обдала, словно только-только ее с живого тела сняли, и вроде как нехотя позволила себя от гостыи оторвать и на стену повесить.

Заглянула Карчик в глаза рыбы, а они с укором смотрят. И мокрые! Как будто плачут.

– Это что же выходит? – начала загибать старуха корявые пальцы, – июнь – раз, июль – два... январь – восемь, февраль...

– Батюшки! – всплеснула руками и на мальчика уже другими глазами смотрит. – Уж не хозяйка ли за своим добром ко мне приходила? – мелькнуло в голове.

Малец ни сном ни духом про побег мамки не ведает, напился козьего молока и спит себе сном праведным.

А Карчик вроде и переживает за уход мамки, а и совсем глубоко, внутри, радуется. Вещички забрала Адашкан, знать всерьез и надолго ушла. Малыша оставила, значит, будет ей на старости лет какая-никакая забота. И смысл в жизни иной является – вырастить, поднять, на путь истинный направить. Да и еще один весомый аргумент в ее пользу – вдвоем в старенькой избушке век коротать все легче да веселее!

– Иди, голубушка, иди, – кружится Карчик по избе, качая малыша. – Мы и без тебя вон какими богатырями вырастем!

С первого взгляда усмотрела в ребенке Карчик силу земную и сейчас, когда осталась у него она одна на всем свете, а у нее один он – мысли тайные на него загадала.

– Какого б ты ни был роду-племени, от какого бы ни произошел семени, а в обиду я тебя не дам.

И задумала дело тайное, с потусторонними силами связанное. Зря что ли ей такие связи приписывают?

Прошлась с гусиным крылышком по всей избе, дух Адашкан в совок сметая. Аккурат полный стакан и маленькая щепотка набрались. Тесто на муке ржаной приготовила, на шесть одинаковых частей разрезала и на мороз выставила.

Как только застыло, студнем стало, прихватила лопату деревянную и во двор свой вышла. Наметила шесть углов через шесть равных сторон, пробила в снегу ямки до земли и уложила в них дух замороженный. Сверху березовая кора легла и снег, плотно притоптанный.

Так старуха охранные посты вокруг своего хозяйства выставила. Если вдруг надумает Адашкан вернуться, дух ее, в этих снеговых ямках упрятанный, с пути-дороги собьет. Ничего она перед собой, кроме чистого поля, не увидит.

Дождалась темного вечера, когда мир живой на покой отправился, а неживой в свои права вступил, дверь крепко-накрепко защелкнула, на окна плотные занавеси опустила и принялась за вторую половину задуманного дела.

Развела не в печи, в очаге посреди избушки огневой костер из кривых сучьев, что специально в черном урмане по одному находила-собирала да в загнетке¹¹ у печки три срока в болотный мох завернутыми высушивала.

Медный чан с талой снеговой водой на него поставила, дождалась, когда вода пузырями ворчать изготавилась, бросила в нее поочередно: толченый волчий зуб, клочок шерсти спящего медведя, перо дикого лебедя и высушенную кожу болотной жабы.

Сверху присыпала золой ковыля сушеного да запахом шалфея семицветного.

¹¹ Загнеток, загнетка – место на шестке печи, слева или справа перед топочной дверцей.

Забурлила вода в чане, из прозрачной в зеленую, потом и в огенно-красную превратилась, а в конце бурления звездным небом как покрывалом украсилась.

Посчитала Карчик звезды сначала справа налево, потом в обратную сторону:

– Все верно, два-на-десять в серединке и еще пять сбоку друг за дружкой лучами приклеилось.

Большим деревянным половником зачерпнула из чана, подула, остужая, и на язык готовый увар попробовала.

– Кхе-кхе, – закашлялась, поперхнувшись. Улыбка довольствия лицо ее озарила – варево получилось отменное!

Распеленала мальчика, пошептала ему на левое ухо слова непонятные и в чан с бурлящей водой его по шею окунула. Раскрылся рот в крике беззвучном, воды малец хлебнул, и все синее небо в него стремительно потекло. Да не одно, а вместе с два-на-десять звездами и еще теми пятью, что сбоку сидели.

Когда последняя звездочка исчезла, захлопнула Карчик мальцу рот и нитками крепко-накрепко зашила, так, чтобы ни прорехи, ни щелки не осталось и ни одна звездочка сбежать не смогла.

Затих малец, в сон рукотворный погруженный, даже дыхание его не прослушивается, сердце в груди не стучится. Только веки мелко повздрагивают.

Ощупала его Карчик со всех сторон, работу свою проверяя.

– Теперь готов ты, – прошептала.

Уложила его на стол, покрытый скатертью белой, поколдовала над ним, ну совсем немножечко: – ножиком острым там чуть-чуть рассекла, тут сросшееся малость надрезала, здесь от себя щедро добавила. И крепко-накрепко внутри его это свое невидимыми нитками зашила.

Посмотрела придирчиво – не забыла ли чего важного?

Вроде, все по инструкции сделала, везде огрехи природы исправила.

– Дал бы бог швам-надрезам зажить, мальцу годик-другой у меня безвылазно побыть, – нашептывает последние заклинания. – А там уж никто в тебе тебя и глазами не признает, и сердцем не учует.

Сняла нитки, рот зашивающие, выпустила звезды и небо синее, и закончила свое колдовство такими словами.

– Ну, теперь самое время и окрестить тебя.

И назвала его именем Тансык, что значит Желанный.

Глава 8 Воскрешение Су Анасы

Бредет Адашкан по лесу глухому, по снегу непроходимому. Куда бредет, сама не знает. Толкает ее неведомая сила вперед и вперед. Но, странное дело, если раньше с каждым пройденным шагом сил в ней убывало, то сейчас, после возвращения шкуры, наоборот, прибывает.

Девять месяцев была она в поиске. Девять месяцев высыхало ее тело и туманились мозги. Уже, казалось, все, последняя надежда потеряна и приготовилась Адашкан к смерти. Огонек тот в ночи случайно заметила. И последняя ее мысль была как раз о том, что вот в тепле хорошо было бы уснуть навек, и чтобы кто-то глаза прикрыл и прощальный обряд совершил.

И теряется ее отсчет времени у маленького освещенного окна.

А потом...

А потом начался обратный отсчет. Будто она вновь родилась на свет, и начала новый счет дням своим, на этой земле проведенным. Волей случая жизнь ее разделилась на две половинки: на «до» и «после».

Дети малые в первые годы осознанной жизни нередко удивляют своих родителей такими словами: – А вот, помню, в прошлой жизни, когда я большой был...

Так и Адашкан свою прежнюю жизнь вспоминает, как жизнь до ее смерти, не связанную с ее последующим возрождением.

До поздней ночи брела она по лесу. Тысячи обрывков дум пыталась в одну ниточку связать. Наконец, упала без сил в сугроб, укуталась в такую родную и теплую шкуру и проспала до утра.

С рассветом проснулась и чувствует – сил в ней вдесятеро прибыло. И мысли в голове начали в рядок выстраиваться.

Пошла вперед по зову сердца, да на поваленное дерево под снегом напоролась. Со зла или от неожиданности, что оступилась, черта недобрым словом помянула.

А Обломан тут как тут. Вырос перед ней, обломанным рогом набычился.

– Ба! – всплеснул руками.

– Чума! – отшатнулась русалка.

– Да ты ли это? – черт не верит глазам.

– Я! – при виде черта сразу все из прошлой жизни ей вспомнилось, как будто только вчера она с чертями на пруду игрались-бесились, гребешок свой у них отвоевывала.

– Худая! – черт ходит вокруг нее, руками ощупывает, языком поцокивает. – Не узнать! Пропадала год...

– Нет, с лета, – поправляет черта.

– Всех своих лишила сна.

И вот уже идут рядом и разговаривают, как старые друзья.

– Ждали? – спрашивает с надеждой.

– Ждали, да напрасно. Ожидания пусты.

– Хоть и выгляжу ужасно, я жива.

– Ты нас прости, – винится черт.

– Да за что?

– Ну... – мнетса черт, – ходят слухи, – ты сбежала от меня.

– Слухи?

– Слухи! Только слухи!

– Понапрасну вас винят! – русалка сегодня добрая.

– Я клянусь последним рогом, – стучит Обломан кулаком в свою волосатую грудь, – шкуру я твою не брал!

– Вас, чертей, на свете много!

– Да, не ждут от нас добра, – опустил повинную голову.

– Но тебе, чертенок, рада, ты мне память возвратил.

– Рада?

– Рада! Вот награда! – кинулась ему на шею и крепко-крепко обняла.

Черт от награды стоит красный как рак, щеку, первый раз в его жизни кем-то поцелованную, когтями скребет, умиляется.

Смеется русалка, на него глядячи. Наконец-то наяву почувствовала, какого она роду-племени, носом потянула – слабый запах воды со стороны восхода доносится.

– Говори, куда идти?

– Если ты в свой пруд намылилась, то нам туда, – показывает черт на высокую гору, вековыми соснами утыканную.

И пошли они напрямки.

Еще полдня пришлось потратить, прежде чем к замерзшему пруду вышли – осталось-то с высокого пригорка спуститься. За это время все назревшие вопросы задала, все семейные новости узнала.

– Ну, – говорит черт, останавливаясь, – вот и конец путешествия. Дальше наши пути-дорожки расходятся.

– Да ладно тебе! Немного осталось! – уговаривает русалка. Но стоит на своем Обломан. – Спасибо тебе, чертушка. Ты не просто помог мне дом найти. Ты помог мне себя, потерянную и заблудившуюся, отыскать.

– Ты это, – замялся черт, глаза от русалки пряча, – не говори никому, что я тебя в лесу повстречал и домой привел.

– Чего так? – не поняла поворота в настроении черта русалка.

– Да ничего, – мнет снег под ногами черт, глазами по сторонам зыркает, – просто не говори и все. Будто ты сама – гуляла-гуляла, а потом соскучилась по родным местам и домой вернуться решила.

– Черт! Ты чего! Я ж тебе обсказывала – с потерей рассудок мой помутился, я не то что дом родной, себя позабыла-растеряла!

– Да я-то тебя понимаю. И не ворчу, не осуждаю. Я об одном прошу – не говори никому, и всех делов!

– Не скажу, – пообещала черту. На радостях чего не пообещаешь?

И черт исчез, как растворился.

Пытается русалка в последних словах черта какой-то смысл, или предупреждение угадать. Но и в голове, и перед глазами только пруд и ничего более.

Выскочила на лед, отыскала русалка полынью черную и в нее с головой кинулась.

Только не утопла, а взбодрилась. Девять месяцев без воды! Тут про любую печаль забудешь.

– Какое блаженство!

Каждой клеточкой мозга, каждой клеточкой тела почувствовала – дома! И, махнув хвостом, понеслась по темной холодной воде, разрывая привычную тишину радостными криками.

– Дома!

– Я дома!

Глава 9 Решение Убыр

В первых числах марта чаще выглядывает из-за туч солнышко. Силы у него больше и больше, и следы его трудов на снежных бурунах все четче и четче. Темные узорчатые проталинки с южной стороны как ювелирная резьба мастера – смотри и поражайся неумной фантазии природного творца. А метровый лед на пруду, еще недавно толстым слоем снега прикрытый, сейчас большей частью гладким зеркалом сверкает. И уже видны сквозь его толщу подводные красоты – там водоросли колышутся, ближе к берегу камушки белеют, рыбы сноровисто по делам своим рыбным плавают.

Нет-нет, да промелькнет серебристая стрела русалки – развеваются по плечам изумрудные волосы, и рассекает темно-зеленую воду мощный хвост. Но ее-то как раз и не каждый, кто глаза имеет, заметить сможет. Только тот, кому дар особый отпущен. Ибо охраняет всю темную сторону, пруд и его подводных обитателей от чужого сглаза не только большая вода, но и сила Убыр – самой старой и самой главной ведьмы всего водного, болотного и лесного царства.

Радость русалки от возвращения домой была искренней, но короткой.

На крики ее слетелись обитатели подводного мира: и простые русалки, и начинающие ведьмы, и Водяной со своей свитой. Окружили Су Анасы, разглядывают: кто с интересом, кто с любопытством, а кто с нескрываемым осуждением. А как иначе? Весь подводный мир давно знал, как она шкуру свою потеряла. Черти постарались, рассказали о ее падении, да все с прикрасами, все в черном цвете. А вот где столько времени пропадала, что делала, да как шкуру потерянную нашла, тут никому неизвестно.

Не успела Су Анасы и пары кругов по родному пруду проплыть, всем себя показать, а уже доложили наверх.

Целая стая подлиз и прихлебателей окружила Убыр, торопится преданность и верность напоказ выставить.

– Есть для вас сообщение важное, – нашептывают в левое ухо.

– Прямо-таки горячие новости! – доносят в правое ухо.

– Су Анасы вернулась!

– Худая да страшная...

– Кричит – ненарадуется!

– И ни в одном бесстыжем глазу ни капельки совести!

Поворошила Убыр волосы свои, и без того как на болотной кочке сухая трава растрепанные, брови густые намурила, беззубым ртом что-то себе под нос пошептала.

– Приведите ее ко мне! – распорядилась, и тут же с десятков верных слуг кинулись выполнять приказание.

И вот уже стоит Су Анасы перед Убыр. Вины за собой никакой не чувствует, голову гордо вскинула, взгляда не отводит.

Убыр хитрая, с ходу в крик не кинулась, ногами от возмущения не затопала. Лаской да вниманием подходы строит, голосом мягким спрашивает.

– Потеряли мы тебя, голубушка, слез море разлитое выплакали. Не успокоишь ли нас, не расскажешь ли, где была столько времени, что делала?

Су Анасы подвоха в сладких речах не заметила, все как на духу про похождения свои выложила.

От Убыр разве что скроешь?

Она и про Батыра знает, и про остальное. Только вот все знания ее, – черт выболтал, – вокруг пруда плавают, в сторону Карчик не распространяются. И, получается, рождение сына – это единственное, что во всем темном мире только одной ей, Су Анасы, известно.

Было известно.

И, умереть ей на этом месте, если кому еще, даже под пытками, она скажет.

Не того ожидала от нее Убыр. Не хвастливого рассказа о своих похождениях, а горького покаяния. С каждым словом, Су Анасы сказанным, глубже морщина на лбу у старой ведьмы, сильнее хмурятся густые брови.

– А теперь, – выслушав полный рассказ, прошипела Убыр, – поведай нам, что полезного в этой твоей истории.

– Для кого полезного? – опешила Су Анасы, и первая тревога в ней поселилась.

– Да так, пустячок, – елейно молвит Убыр, – прямо и говорить—то не о чем! – и тут же впилась глазами в лицо Су Анасы и разве что не рычит. – Забыла уже, что на службе состоишь? При должности? Для нас, для нашего ведьминского роду-племени, что полезного в этой твоей блудности?

– Сразу и блудности, – пытается смягчить Су Анасы.

– А как еще это называть-величать прикажешь? Говори!

– Что говорить?

– Начни с того, какой пример ты, русалка, мною взрошенная и в сан водяных ведьм вознесенная, младшим сестрам своим подаешь?

– Чем виновата я? – спрашивает Су Анасы.

– А ты еще не поняла?

– Все по инструкции... – начала было.

– По инструкции?

– А как же! Батыра заморозила, в себя влюбила, верным да покорным сделала. Что не так? Если бы шкуру мою не украли, вот бы где, – сжала пальцы в кулак, – он у меня был!

– Лукавишь, милая, – качает головой Убыр. – Не ты его в себя влюбила, а сама, как дурочка, в сети любви попалась! Разве не так?

Потупился Су Анасы взор.

– Влюбленная русалка – это считай что потерянная для нас и нашего ведьминского роду русалка. Она не о деле общем думает, а только о своих переживаниях, шуры-мурах да сюсюпсуях!

Захихикали приближенные, слова Убыр слушая, головами согласно закивали.

– Еще примеров? – спрашивает Убыр.

– Давай, – покорно лепечет Су Анасы.

– Пожалуйста! Пост свой оставила, ни заявления на отпуск, не депеши какой, мол, отлучусь ненадолго, – загибает пальцы Убыр. – Работу свою, тебе порученную, бросила, фронт борьбы оголила. Девять месяцев за тебя другим пахать приходилось.

– Я отработаю.

– Ой, ли?

– День и ночь, без сна и без отдыха... Самую черную работу...

– Подожди с обещаниями! Я тебе еще слова заключительного не давала.

Встала Убыр, вокруг Су Анасы обошла, острым взглядом ее осматривая, шкуру на ощупь попробовала, зачем-то понюхала.

– Перво-наперво расскажи нам, только без ссылок на беспамятство и потерю шкуры – не предала ли интересы родни своей, ведьминской? Не поступила ли к роду человеческому на службу?

– Нет, что ты! – ужас охватил Су Анасы. Заподозрить ее в измене! – Нет!

– Как шкуру отыскала? Какой выкуп заплатила?

– Без выкупа взяла! Случайно нашла, – затараторила Су Анасы. – В одной избушке вместо украшения на стене висела!

– И я должна поверить, что тебя запросто так взяли и в дом пустили, а потом так же запросто шкуру отдали? И ты им взамен никакой тайны не сказала? Никакого секрета нашего не раскрыла?

– Прикинулась заблудившейся, имя себе придумала Адашкан, на ночлег напросилась, – на ходу сочиняет, – а утром раненко встала, шкуру схватила и бежать.

– Ловка, плутовка, – вроде как восторгается Убыр. – Моя кровь! Без мыла куда хошь пролезет!

– Верно, верно, матушка, – тараторят слуги, – твоя кровь!

– А кулончик твой гдей-то? – спросила, как из-за угла ударила.

Прижала руки к груди, да поздно. Нечего прикрывать.

«Ах, черт-чертяка! – помянула рогатого. – Тебе одному про кулон говорила, ты один тайну эту знал». Но вспомнила, как черт просил его не выдавать, и про встречу с ним никому не говорить. Значит, не он донес, не его вина. Это Убыр такая глазастая!

– Кулончик я за шкуру оставила, – призналась наполовину. – Должна же я была чем-то людей отблагодарить за то, что сберегли потерю мою.

– В благодарность, говоришь? С каких это пор мы, ведьмы, такими благородными да благодарными стали? Ты прямую улику оставила! Ты дорожку в наш темный мир, почитай что раскрыла!

– Матушка Убыр! Не губи! Дай верой и правдой грех свой искупить, позор смыть, – в ноги упала.

На удивление всем Убыр русалку за плечи подняла с колен, пред собой поставила.

– Будь по-твоему, – согласились, – служи. А я посмотрю.

– Век твоей доброты не забуду!

– Но-но, – останавливает ее Убыр. – Ты раньше времени-то не радуйся, что легко отделалась. – Погладила она русалку по голове, гребень ее золотой из волос выдернула и в карман свой бездонный спрятала. – Была Су Анасы у нас ведьмой водяной? – к слугам обращается.

– Водяной, – подтверждают хором.

– Станешь простой русалкой, – приговор свой вынесла.

– Русалкой!?. – ахнули прислужники, за голову хватаясь. – Простой?

– Имя тебе будет то, каким ты себя перед людьми окрестила – Адашкан!

– Надолго ли? – спросила русалка.

– Пока не докажешь свою невиновность и преданность. Пока слуги мои кулон твой не найдут и назад не вернут! И вот еще что! Из пруда ни на шаг!

– Но как же я... – хотела про Батыра сказать, вовремя язык прикусила.

– Ты не поняла меня? – грозно спросила Убыр. – Запрещаю тебе не просто покидать пруд, но даже нос из воды казать! Ясно?

– Ясно.

– Все, уведите! – и уже вдогонку главному стражнику приказала, – у каждой проруби, у каждой полыньи стража поставьте! Нечего ей на берегу делать!

Глава 10 Глаза Любимой

Не ведая тайных законов и правил этих темных сил, живя своими делами и своим умом, день за днем, месяц за месяцем приходит на пруд очарованный красотой ли, ведьминым ли приворотом Батыр.

С той самой первой и единственной сказочной ночи не видел он свою возлюбленную. Ушла и как в воду канула. Вот уж точно – присказка в самую точку!

Зная, кто она такая, в ее родной стихии и искал Батыр невесту. Придет вечером, когда все вокруг затихнет, сядет на пирсе или на прибрежном камушке, ноги в воду опустит и зовет тихим голосом.

– Су Анасы! Любимая! Приди ко мне!

Пока лето было, до полуночи сидел или бродил по мелководью, в черноту пруда всматриваясь. Потом осень пришла, вода остыла, уже ноги в ней не искупаешь, на камушках холодных не посидишь. Но нет такой силы, которая бы отвела Батыра от поисков любимой.

Выпал первый снег, робкая корочка льда легла на воду – сначала у берега, потом и к середине простираясь. Еще на лед не ступишь, в воду не заглянешь. А Батыр все равно на посту – как на работу без выходных и отпусков, хоть часы по нему проверяй! И все одну песню заводит:

– Су Анасы! Любимая! Приди ко мне!

Мог бы уже и что другое придумать, или продолжение сочинить. Но нет в его сердце израненом других слов. А если и есть, то он их только ей, шепотом, на ушко скажет. Вот дождется – смилостивится и выйдет к нему, – прижмет к груди и все, что в сердце накопилось, ей одной, и никому более.

Он, наивный, думает, что если нет никого вокруг, то никто его не видит и не слышит. А в подводной бухгалтерии каждый день его ожиданий и поисков, каждое слово, им оброненное записываются, хранятся и в нужное время при надобности, – для защиты или для наказания – предъявлены будут. И не отвертятся!

Сотни подводных обитателей видят его и слышат его. И, по меньшей мере, половина, которая о такой любви и преданности днем и ночью мечтает, до слез завидует сестре своей пропавшей.

– Мне бы окрутить такого молодца! – закатывает глаза одна русалка.

– Размечталась! – подкалывает Куцый. – С него сначала чары Су Анасы снять надо, а уж потом и глазки строить!

– И телом красив, и душою предан, – вторит другая.

– Ты на себя в зеркало когда последний раз смотрела? – опять встревает черт, девичьи мечты ломая.

– За такого и умереть сладко! – закатывает глазки третья русалка.

– Умереть – это самое простое, – вздыхает первая русалка.

– А вот ты попробуй, завоюй его сердце! – заводится вторая русалка. – Это настоящий подвиг будет.

– Нашей Убыр непременно понравится, – говорит третья, – глядишь, и в должности повысит.

– Ну да, повысит, – усмехается Обломан. – Особенно тогда, когда вы душу его погубите и своей карге безвозмездно служить заставите!

– Ну тебя, черт! И помечтать не даешь!..

Вот и весенние деньки пришли. Но не усталость и отчаяние Батыру принесли, а новую надежду. Блеск в его глазах неожиданно появился и улыбка нет-нет, а мелькнет на исхудавшем лице.

Нашептал кто?

Донес?

Или влюбленное сердце подсказало?

Не будем забегать вперед, развязка у нашей маленькой истории близка.

Как только Убыр наказала Су Анасы, в Адашкан ее разжаловала и вопрос о ее поведении закрыла, сразу сестры-русалки и черти-забияки к ней жалостью прониклись.

Вот ведь как мир устроен! Пока была она на коне, – в милости и в силе, – со всех сторон завидовали да зла желали. А как опустили ее ниже самого нижнего, тут же все к ней кинулись, руку свою в беде протянуть. Обступили Адашкан русалки, затесались в круг три задиристых чертенка, глядят, про ее любимого сладкие сказки рассказывают.

– Каждый вечер на берег приходит твой... этот.

– До ночи зовет тебя, всему водяному царству спать мешает.

– Даже с нами, чертями, готов дружбу завести, только бы мы ему путь-дорогу к тебе подсказали.

Ожила от таких речей разжалованная ведьма, интерес к жизни у нее с новой силой пробудился.

– Вот бы и подсказали, – говорит.

– Как мы подсказем, – оправдываются черти, – когда сами не знаем, не ведаем, где ты ходишь-шарагаешься?

– Я и сама, если честно вам сказать, и сейчас не знаю и не помню, где была, какую землю ногами топтала.

– Ой ли? – недоверчивы подруги.

– Честное слово! Дырка в моей памяти.

– Да ладно! – черт шурится. – Мы ж никому! У нас, сама знаешь, могила!

– Да уж знаю, – соглашается Адашкан, – теперь точно знаю. – В самое больное место доносчиков-чертей уколола. – Вы меня о былом не выспрашивайте, вы лучше мне про моего любимого говорите.

– За все твое отсутствие у Батыра ни одного прогула!

– Где он сейчас? – про все невзгоды забыла, только бы любимого своего поскорее увидеть.

Уже и бежать готова.

– Стой ты, оторва! – держат черти за руки. — Забыла? За тобой сто глаз стражников наблюдают.

– И что они со мной сделают? – фыркает Адашкан. – Еще ниже разжалуют? Так, вроде, ниже некуда!

– Ошибаешься, – качает головой Обломан. – Есть!

– Да ну? – оторопела на мгновение.

– Сейчас ты, хоть и простая русалка, а свободна. Куда хочешь в пруду нашем, туда и плывешь. Так?

– Ну, так, – нехотя соглашается.

– С кем хочешь, с тем и разговариваешь. Так?

– Так.

– Что поймашь, то и съешь. А ну как выдашь себя, запрет нарушишь? Сразу же в темной темнице запертой невесть на сколько лет окажешься!

Дошло до нее, притихла, глазки потупила.

– Что мне делать? Подскажите, – шепчет.

– Притворись, что примирилась, – советует черт. – Наказание приняла и на путь исправления встала.

– Что хочешь, делай, только внимание стражников усыпи, – подсказывают русалки.

– А Батыр? Как я без него? – стоит на своем.

– Тебе в любом случае до вечера терпеть. Раньше он не придет.
– А мы за это время придумаем, как мозги им затуманить, внимание на что-нибудь другое переключить.

– На что?

– Да хоть на праздник!

– Ага! Хорошо вы придумали! Наказание мое праздновать будем? – горько усмехается Адашкан.

– Сразу и о грустном!

– Ну когда у вас, у влюбленных, мозги по-нормальному работать начнут? – хлопает себя по бокам черт. – Ты вопрос по-другому поставь и самой слаще будет!

– Научи, коли такой умный!

– Ты вернулась в лоно семьи, – обозначил тему черт, – это ли не повод для радости?

Действительно, повод.

И загудел подводный мир музыкой да весельем.

Под шумок в разгар веселья подкрался к Адашкан однорогий черт, отвел ее в сторонку.

– Спасибо тебе, сестрица, не выдала, что это я тебя в лоно семьи привел и не донес наверх, – низко кланяется.

– Да брось ты!

– Брось не брось, а прознали бы, мало бы мне не показалось. Или рог последний отломали, или шкуру в полспины спустили. Так что в долгу я у тебя. А долг, как известно, платежом красен. Помогу я тебе с любимым парой фраз перекинуться, – обещает Облом.

– Как? – горько усмехается Адашкан. – Высовываться из проруби мне нельзя, запрет Убыр наложила, стражникам строго-настрога следить приказала. Волшебный гребешок забрали. А другого способа попасть на берег у меня нет.

– Ну, – строит глазки черт, – многое не обещаю. Но что-то – это все равно лучше, чем ничего? Как считаешь?

– Лучше, – соглашается Адашкан.

– Ты момент выбери и вон там, у бережка, где родник бьет, в ямке схоронись.

– И что?

– Там лед потоньше, – растолковывает черт, – соглядатаев поменьше. Авось свидитесь – словом-другим перекинетесь.

– Ой, спасибо тебе, чертушка!

И второй раз его в щечку, да с чувством.

Так и вышло, как Обломан обещал.

В самый разгар веселья явился Батыр на пруд, а черт его уже поджидает. Шепнул пару слов и к месту свидания проводил.

Смотрит Батыр под ноги, куда черт своим корявым пальцем указывает, и видит глаза любимой. Те самые, в которых он когда-то утонул. Не перепутать, не ошибиться.

Упал на лед, руки-ноги раскинул, ногтями холодную твердость царапает.

– Я соскучился!

Адашкан с другой стороны ко льду приникла и так же по нему распласталась.

– Я соскучилась!

Слов почти и не слышно, но влюбленные по глазам, по губам читать умеют.

– Приди ко мне!

И губами к губам ее тянется.

– Не могу! Оборвали мои крылья.

– Кто посмел?

– Убыр.

– Если тебе нельзя ко мне, то мне-то прийти к тебе никто запретить не может!

- Может, – шепчут ее губы.
- Кто?
- Убыр...
- Я в прорубь нырну!
- Не делай этого, любимый!
- Почему?
- Они не выпустят тебя!
- И пусть! Без тебя все равно не жить!
- Ты должен жить!
- Зачем?

Какими уговорами удалось ей отвадить Батыра от проруби, неведомо. Скорее всего, сил ему не хватило хоть на мгновение от глаз любимой оторваться.

Глаза смотрят в глаза, руки гладят лед, но ни холода, ни толщи льда между собою не замечают.

- Вместе! Мы снова вместе!
- Никто разлучить нас не сможет!
- Самая сладкая песня!
- Самое теплое ложе.
- Ты наконец-то дома!
- Знала – найду, где б ты ни был!
- Ты – восхитительный сон мой!
- Ты – мое солнце в небе!

Повернула голову Адашкан – десятки глаз на нее смотрят, десятки любопытных ушей каждое слово ловят. Нет возможности главное сказать, а сказать надо. Когда еще свидеться придется? Вжалась в лед и по слогам самое главное прошептала.

- У тебя, – тычет пальцем в Батыра, – понимаешь? У те-бя...
- У меня? – понял ее игру Батыр и шепчет одними губами, переспрашивая.
- Да-да! Правильно! У тебя, – сделала паузу, с силами собираясь, – есть...
- Есть, – повторил Батыр.

Кивнула радостно и закончила на одном выдохе:

- Сын!
- Что? – округлились его глаза неверием.
- У тебя есть сын!

По тому, как озарилось лицо Батыра, догадалась, понял он ее.

- У меня есть сын...
- У нас есть сын.
- Где он?
- Не спеши, – просит. – Придет время и ты его увидишь!
- Я его увижу! – радость наполнила его.

Утром нашли окоченевшего Батыра селяне, подняли на руки и унесли, чтобы земле предать.

А глаза его, в лед вмерзшие, превратились в звездочки и на небо поднялись. И по сей день оттуда восторженно смотрят на свою любимую.

Повесть 2

Кузница

*Жила, говорят, в далёкие времена
одна женищина. Три дома имела
один соседский, другой не построенный, а у третьего и сруб ещё не срублен,
и фундамент не выкопан. Вот она и жила в лачуге. А лачуга была знатная, всем домам
дом: облаком
крыта, ветром законопачена, солнцем отапливаема. Но хоть и бедно та женищина
жила, а все ж не побиралась*

Глава 1 Дары Карчик

После ухода Адашкан и колдовства Карчик, жизнь в старенькой избе быстро в прежнее русло возвратилась.

С утра до вечера творит баушка всякие отвары, мази да снадобья, новые заговоры придумывает да назубок заучивает, еще какую живоносную силу в наскрозь изученном корешке открывает. Одним словом, занимается своей прежней исследовательской работой. Только то и другого, что ноги ее шустрее бегают, руки проворнее шерудят, да глаза зорче и глыбже смотрят. Так это от Тансыка, от внука ее новообретенного, от радости, в избе поселившейся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.